

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Кубасов¹

*Уральский государственный педагогический
университет (Екатеринбург, Россия)*

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ИММАНТНОСТЬ И ИММАНЕНТНАЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ИВАНОВА Н. Ф., БУШКАНЕЦ Л. Е. «ЧЕХОВ И.../ ... И ЧЕХОВ». – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: РОСТОК, 2025. – 344 С.

Было время, когда имманентный анализ текста считался научной новинкой и одним из магистральных трендов отечественного литературоведения. Ограничение выхода исследователя за границы произведения имело свои положительные стороны: внимание обращалось на его внутреннее содержание и структуру. Противовесом имманентному анализу признавался и признается анализ контекстуальный. В этом случае акцент переносится на другие аспекты: интерес представляет история того или иного произведения, начиная от возникновения его замысла и заканчивая воплощением, а главное – историко-литературный и социально-бытовой фон. Отдельно может рассматриваться взаимосвязь текста с биографией автора, его полемика с современниками или, наоборот, современников с ним.

При всем различии имманентного и контекстуального анализов граница между ними является все-таки проницаемой и достаточно диффузной. Это отмечал в незавершенной статье «К методологии гуманитарных наук» М. М. Бахтин. Он писал: «Историчность. Имманентность. Замыкание анализа (познания и понимания) в один данный текст. Проблема границ текста и контекста. Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами. Комментирование. Диалогичность этого соотнесения» [Бахтин, 1986, с. 384]. Если каждое слово текста «выводит за его пределы», то, следовательно, любой имманентный анализ в той или

---

¹ Александр Васильевич Кубасов – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия). Orcid: 0000-0001-9074-1133. E-mail: kudas2002@mail.ru.

иной степени оказывается относительным. Это же справедливо и по отношению к контекстуальному анализу («историчности»): исследователь в этом случае не может не обращаться к «имманентности». Об актуальности синтеза обоих подходов после Бахтина писал Ю. Н. Чумаков. Он констатировал факт: «Систематика филологических терминов постоянно меняет облик». Ученый внес свой вклад в обновление филологических терминов, предложив понятие *контекстуальной имманентности*. Несмотря на оксюморон, лежащий в его основе, он все-таки справедлив, так как любой текст подразумевает неочевидное вложение в него «различных знаний, интуиций и чувственного опыта. Таким образом, текст имплицитно включает множество ценностей и смыслов, концентрирует их и нагружается ими» [Чумаков, 2010, с. 11–12]. Следуя примеру Юрия Николаевича, введем по принципу инверсии другой термин – *имманентная контекстуальность*, который по-своему тоже отражает симбиоз двух подходов, при этом смысловым центром является разомкнутость структуры произведения, его историчность и связанный с нею контекст.

В соответствии с двумя видами анализа, видимо, можно говорить и о двух типах авторов: «герметичных», в отношении которых имманентный анализ дает наибольшие результаты, и авторов открытой формы, для которых учет контекста имеет решающее значение. Чехова следует причислить ко второму типу авторов. Недаром исследователи всегда старались вписать его в самые разные контексты отечественных и зарубежных литераторов. Назовем в этой связи лишь несколько современных монографий, авторами которых являются известные исследователи творчества Чехова [Головачева, 2020; Катаев, 2004; Кибальник, 2015; Петухова, 2023]. Стоит отметить также сборники «Бахрушинской серии». Почти все они содержат статьи, обращенные к тому или иному контексту, связанному с именем Чехова [А. П. Чехов и традиции мировой культуры, 2023; Драматургия А. П. Чехова в отечественной и мировой культуре, 2023].

В этот же круг работ должна быть включена и рецензируемая новая монография. Она написана в соавторстве двумя известными чеховедами из разных городов. Л. Е. Бушканец живет в Казани, а Н. Ф. Иванова – в Великом Новгороде. Пространственная разделенность однако не помешала им найти общий подход к произведениям Чехова на основе «имманентной контекстуальности» и написать ряд очень содержательных анализов.

После сотен статей, начинавшихся с заголовка «Чехов и...», казалось бы, трудно найти какие-то новые продуктивные сопоставления. Однако уже первая статья монографии «Чехов и Державин» (автор Н. Ф. Иванова) развеивает эти сомнения. Исследователь обращается к гимназической поре писателя, к библиотеке

этого учебного заведения в Таганроге, где, конечно, были сочинения классика отечественной литературы. Автор анализирует учебники, по которым занимались гимназисты, программы по словесности на аттестат зрелости. На основе предварительного обзора предпосылок обращения к имени Державина следует выборка из произведений Чехова с открытым или подтекстным упоминанием создателя од или его текстов. Мы бы добавили к наблюдениям исследователя, что интерес Чехова к давнему предшественнику, несмотря на все очевидные различия между ними, подогревало сходство их художественных стратегий. Содержательная и интонационная амбивалентность державинских од нашла глубокое понимание и отклик в серьезно-смеховых произведениях Чехова.

Первый очерк Л. Е. Бушканец в монографии тоже весьма далек от трафаретного выбора пары для сопоставления. Название его «Чехов и Ключевский», имеет уточняющий подзаголовок «Природные предпосылки русской ментальности» и посвящен отражению в повести «Степь» идей и положений известного отечественного историографа. Понятие «имманентной контекстуальности» достаточно точно отражает содержание этой части книги. Литературно-исторический и социально-культурный контекст сочетается в ней с имманентным анализом чеховской «Степи». Повесть давно обрела репутацию «степной энциклопедии», одна из ее «словарных статей» после данной работы должна будет занять в ней достойное место. В этой части монографии показано, что Чехов не слепо следует за В. О. Ключевским, а подкрепляет, обосновывает его тезисы наблюдениями, которые основываются на собственном опыте пребывания в приазовской степи. Ключевский выступает как авторитетный партнер, с помощью научного дискурса выражающий те же идеи относительно русской ментальности, что волновали Чехова.

Широко известна литературная байка о братьях Гонкурах, отражающая сотрудничество творческих пар. Согласно ей, Эдмон бегал по редакциям, в то время как Жюль сторожил рукопись, чтобы ее не украли. Если же говорить серьезно, то в каждом научном и творческом тандеме складывается свой неповторимый вариант взаимодействия соавторов. Важно, чтобы их сотрудничество не было формальным, а порождало синергетический эффект. Он чувствуется в первой совместной статье исследователей – «Чехов и Гончаров: зачем Чехов переписал «Обыкновенную историю» И. А. Гончарова?».

Сопоставление Чехова с Гончаровым, в отличие от предыдущих пар, нельзя назвать абсолютно новым. Но выбранный аспект для сравнительного анализа убеждает читателя, что классика неисчерпаема. Первый роман Гончарова проецируется на хорошо известное «школьное» произведение – на «Ионыча».

Сопоставление двух разных текстов может быть признано удачным, если оно действительно в обоих направлениях, то есть новые смысловые грани должны открываться как в том, что сравнивают, так и в том, с чем сравнивают. Главных героев романа и рассказа объединяет то, что они показаны в эволюции, в переходе от наивного романтического восприятия мира к прагматическому. Вывод, к которому приходят авторы, справедлив: по их мнению, Чехов вычленяет из романа Гончарова те компоненты, «те сюжетные мотивы, которые носят универсальный характер, и концентрирует их». Благодаря универсализму того и другого произведения они сохранили свою актуальность и входят в золотой фонд русской классики.

Перейдем к следующей тематической паре и очередной форме научного взаимодействия. Небольшой раздел монографии составляет тема «Чехов и Тургенев». Она состоит из двух частей и, соответственно, двух статей: первая написана Н. Ф. Ивановой, а вторая – Л. Е. Бушканец. Таков третий вариант авторского содружества. В этом варианте мы имеем двойной диалог: Чехова с Тургеневым, а также одного автора статьи с другим.

Надо обладать определенной смелостью, чтобы в «наезженной колее» сравнения Чехова с Тургеневым найти свой путь. Авторам это в определенной мере удалось. Конечно, найти новые произведения Чехова со скрытым в них тургеневским подтекстом очень трудно. Н. Ф. Иванова свой поворот обозначила уже в заглавии статьи: «Тургеневская сюжетно-фабульная ситуация “разночинец в гостях у дворян” в прозе Чехова». Название четко определяет границы выбранного материала: он должен соответствовать текстам, в которых показано взаимодействие двух социумов. Понятно, что «гости» понимаются как в прямом смысле, так и в переносном. Исследователь обращается к рассказам «Цветы запоздалые», «Чужая беда», «Рассказ госпожи NN», «У знакомых», «Жена», «В усадьбе», в которых проявляется сходный с тургеневским «тип разночинского самосознания». Произведения Чехова в контакте с тургеневскими текстами позволяли показать тип разночинца извне и изнутри. Если Тургенев был одним из зачинателей «разночинской парадигмы» в литературе, то Чехов стал одним из ее завершителей.

В отличие от своего соавтора, Л. Е. Бушканец сосредоточилась на одной параллели, сравнивая Базарова не с чеховскими героями, а с самим Чеховым. Такого рода неожиданный поворот имеет свои основания. Еще И. Е. Репин сравнивал эти две разные по своей природе фигуры: «Положительный, трезвый, здоровый, он мне напоминал тургеневского Базарова». В подборке отзывов о Чехове «в роли» Базарова есть разные фамилии. Особо привлекательными являются неожиданные и новые параллели. Одна из них – роман «Ходок» «ловителя

моментов», как его именовали современники, то есть П. Д. Боборыкина. Для романиста Чехов послужил прототипом писателя Малышева. Это самый интересный фрагмент работы, обладающий несомненной научной новизной. Если бы эта часть была на защите диссертации, то автору можно было бы задать вопрос: преодолевал ли Чехов в себе разночинца? Если «да», то каким образом?

Из первого раздела книги «Чехов и...» еще выделим подробно прописанную главу, посвященную контактными и литературными связям Чехова и Болеслава Маркевича (Л. Е. Бушканец) и новую по проблематике «Чехов и Элиза Ожешко: к постановке проблемы» (Н. Ф. Иванова), а также перечислим статьи, которые также входят в состав этой части: «Чехов и В. А. Слепцов: литературоведческое исследование» (Л. Е. Бушканец); «Чехов и Островский: «Среди долины ровныя...» (Н. Ф. Иванова); Чехов и “некрасовская школа”» (Л. Е. Бушканец); «Чехов, Фет и Тютчев: ночь и день в художественной картине А. П. Чехова» (Л. Е. Бушканец); «Чехов и Короленко: трудности взаимопонимания» (Л. Е. Бушканец). Завершают первый раздел две главы по две статьи в каждой: в главе «Чехов и Л. Н. Толстой» – «Чудесный инструмент» (Л. Е. Бушканец); «“Из писателей предпочитаю Толстого...”: как Чехов читал “Войну и мир”» (Н. Ф. Иванова); в главе «Чехов и Горький» – «“Горьковский след” в прозе Чехова» (Н. Ф. Иванова); «Размышления друг о друге: диалог через пьесы» (Л. Е. Бушканец).

Второй раздел монографии, озаглавленный «...и Чехов», предоставлял исследователям гораздо больший простор для выбора авторов для сравнения. На эту тему написано не меньше, а то и больше работ, чем по «Чехов и...». Одним из сигналов «реновации» известной проблемы является словосочетание «Еще раз о...». Не избежали его и соавторы, написав вместе статью «Еще раз о не любви Ахматовой к Чехову». Распространен упрощенный взгляд, что Ахматова не любила Чехова, и на том ставилась точка. Этот вывод сделан на основании свидетельств очевидцев. Авторы монографии на месте «точки» ставят «запятую» и вносят существенные оговорки в этот укоренившийся факт. Оба соавтора являются признанными авторитетами в области исследования мемуаристики, а потому прекрасно знают, что любые воспоминания передают реальную картину всегда с той или иной степенью упрощения и искажения, поскольку не передают адекватно интонацию говорящего, невербальные компоненты, сопровождавшие то или иное высказывание, иногда радикально меняющие смысл сказанного. Отдельного разговора заслуживает проблема собеседника, фиксирующего слова современника для потомков. Подчас имеет место провокативное поведение говорящего, знающего иное отношение собеседника к Чехову. Именно такой была Лидия Чуковская, больше всех сохранившая информации об отношении Ахматовой к автору «Степи».

На одной из недавних научных конференций прозвучала знаменательная фраза о том, что некоторые произведения Чехова, да и сам он, незаметно превратились в некое подобие нашего российского «коллективного бессознательного». Именно на этом основании растут и множатся различные формы «переписывания» Чехова, которые строятся на предположении, что первоисточник всем хорошо знаком и нет необходимости его воспроизводить в какой-то форме. А вот соригинальничать и построить на его фундаменте нечто свое – эта задача без преувеличения привлекает целую армию авторов. При этом искажение Чехова хоть в прозаической форме, хоть в драматургической не смущает авторов римейков, которые хотят легитимизировать с помощью классика свои субъективные взгляды, чаще всего не имеющие ничего общего с чеховской позицией и ценностями. В этой связи во втором разделе интерес представляют две последние статьи – «Социальные сети и Чехов» (Л. Е. Бушканец, Н. Ф. Иванова) и «Массовая литература и Чехов» (Н. Ф. Иванова).

Чехов для многих читателей переселился со страниц книг в виртуальное пространство и стал там намного доступнее, чем в классическом «бумажном варианте». Количество сайтов и блогов, посвященных писателю и его творчеству насчитывает не один десяток. Может быть, здесь уместно задать старый детский вопрос: «что такое хорошо и что такое плохо»? Видимо, ответ на него будет неоднозначный: это не хорошо и не плохо, а очевидный факт, отражающий состояние нашего общества и уровень его эстетических предпочтений и форм взаимодействия с культурным наследием. Было бы, конечно, замечательно, если бы человек, прочитавший некий пост в социальных сетях, затем взялся все-таки за подлинного Чехова, чтобы прийти к своему независимому суждению. В каких-то случаях так и происходит. Однако в своей массе почерпнутые сведения из поста «независимого» и не всегда ответственного за свои слова исследователя порождают искаженное представление о Чехове и его текстах у потребителя виртуальной продукции.

Завершает монографию статья о современной массовой литературе, которая строится на эксплуатации чеховских тем, проблем, героев. По сути, массовая печатная продукция мало чем отличается от такой же в пространстве Интернета. Прямо или косвенно ссылаясь на Чехова в самых разных формах и вариациях, авторы массовой литературы апеллируют все к тому же «коллективному бессознательному», пытаются внушить простодушному читателю, что он приобретает «почти что к классике» если не современной, то будущей. В 1924 году Ю. Н. Тынянов написал статью «Промежуток», в которой писал о чередовании времени популярности поэзии и прозы. Но говорящее название его статьи можно

интерпретировать и иначе: вся литература может переживать периоды взлета и спада. Социальные сети и засилье массовой литературы свидетельствуют о том, что в беллетристике в очередной раз наступило время «промежутка». Одна из примет его точно обозначена Тыняновым: «Написать рассказ не хуже Льва Толстого, по соображениям критики (добавим: и массового представления. – А. К.), теперь нетрудно» [Тынянов, 1977, с. 168].

Закончить рецензию хочется все-таки на оптимистической ноте. Времена «промежутков», как показывает история, неизбежно проходят, и тогда востребованными вновь становятся классики в своей первозданности, глубине и оригинальности. Понять и адекватно оценить одного из отечественных корифеев литературы помогает монография Н. Ф. Ивановой и Л. Е. Бушканец «Чехов и... /... и Чехов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **А. П. Чехов и традиции мировой культуры:** Сб. ст. по мат-лам междунар. научно-практ. конф. Десятые Скафтымовские чтения. К 400-летию Мольера (Саратов, 11–12 октября 2022 года). – Москва: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2023. – 348 с.
2. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1986. – 445 с.
3. **Головачева, А. Г.** Антон Чехов, театр и «симпатичные драматурги» / А. Г. Головачева. – Москва: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. – 360 с.
4. **Драматургия А. П. Чехова в отечественной и мировой культуре:** Сб. ст. по мат-лам междунар. науч. конф. Девятые Скафтымовские чтения. К 75-летию цикла статей А. П. Скафтымова о пьесах А. П. Чехова (Саратов, 14 октября 2021 года). – Москва: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2023. – 300 с.
5. **Катаев, В. Б.** Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники / В. Б. Катаев. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 391 с.
6. **Кибальник, С. А.** Чехов и русская классика: проблемы интертекста / С. А. Кибальник. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2015. – 313 с.
7. **Петухова, Е. Н.** О Чехове: продолжение разговора / Е. Н. Петухова. – Санкт-Петербург: «Росток», 2023. – 336 с.
8. **Тынянов, Ю. Н.** Промежуток / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва: Наука, 1977. – С.168–195.
9. **Чумаков, Ю. Н.** В сторону лирического сюжета / Ю. Н. Чумаков. – Москва: Языки славянской культуры, 2010. – 89 с.